

Владимир Спиваков: Счастливых профессий не бывает

В конце сентября впервые в жизни и сразу в качестве главного дирижера за пультом Российского национального симфонического оркестра встанет Владимир Спиваков. Своим неожиданным согласием возглавить один из лучших симфонических оркестров России maestro вызвал ряд вопросов, на которые до последнего времени лаконично отвечал из Парижа, где несколько лет назад обосновался вместе со своей многочисленной семьей. Но регулярно, дважды в сезон — под Новый год и на стыке весны и лета — в дуэте со своими «Виртуозами Москвы» Спиваков продолжает приезжать в Москву и совершать гастрольные туры по городам России и СНГ. И, несмотря на свое новое назначение, не планирует расставания ни с «Виртуозами», ни со скрипкой.

— Уже по прошествии трех месяцев как вам кажется ваше решение возглавить Российский оркестр: обдуманным или спонтанным и рискованным?

— Пожалуй, осознанность этого решения приходит только сегодня. Тогда был только творческий запал, энтузиазм — главное было ввязаться, а там видно будет. Теперь я уже по-другому смотрю на все составляющие, будь то репетиции или обдумывание новых программ, своей «эпизодической» работы с такими симфоническими оркестрами, как чикагский, лос-анджелесский, тулузский или римский.

— А маленькая скрипка, пусть даже Страдивари, способна выдержать жесткую конкуренцию двух оркестров?

— Возможно. Не знаю. Я буду очень стараться. Я рассчитываю на современный альянс, без «летальной» исхода. И будут приглашены новые люди. Уже сейчас я думаю о том, кого позову для совместной работы с оркестрами, кто мог бы способствовать расширению горизонта музыкантов, улучшению исполнительского качества. Я имею в виду, в первую очередь, дирижеров. Я считаю вообще пагубной систему, когда оркестр все время видит перед собой одно и то же лицо.

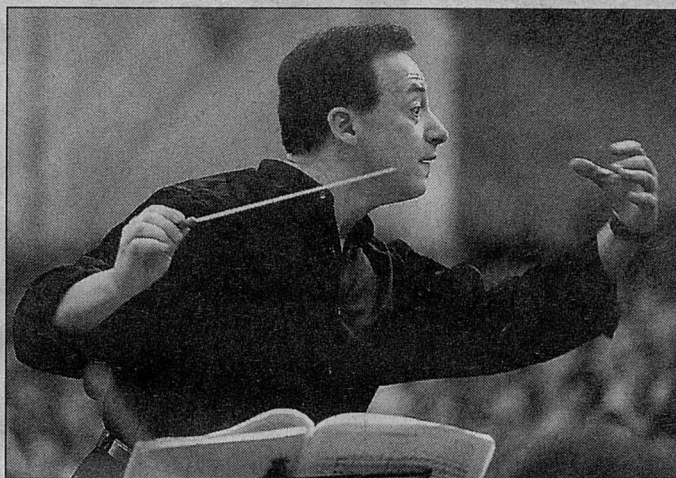
— Но, с другой стороны, оттого, что «Виртуозы» подчинялись исключительно вам — они всегда были одним из самых стильных оркестров и по манере, и по репертуару. Российский национальный придерживался противоположной модели и от этого иногда страдал...

— Да, может быть. Но надо искать что-то новое.

— Эти поиски основаны на ощущениях или на расчете?

— Я думаю, искусству вообще постоянно свойствен некий дуализм рационального и интуитивного. В моей методике все-таки побеждает интуитивное.

— Как вы относитесь к тому обстоятельству, что вас пригласили в Российский национальный не только

АЛЕКСАНДР НЕМЕНОВ

«Я буду очень стараться...»

как музыканта, но и с нескрываемой надеждой на то, что вам под силу разрешить финансовые проблемы когда-то благополучного коллектива? Вы не боитесь превратиться в администратора?

— Я никогда не был и не буду администратором. В оркестре есть персонал, который способен успешно заниматься всеми организационными вопросами. Я просто человек, любящий людей, с которыми работаю.

— Где вам легче добывать денег под свое имя — в России или за границей?

— Везде добывать денег трудно. Никто легко не расстается со своими деньгами. Для Кольмарского фестиваля, например, средства тоже нужно добывать. Но там есть общая заинтересованность и города, и региона в том, чтобы этот фестиваль продолжал жить. У нас же в стране Российскому национальному оркестру ни одно из наших так часто меняющихся правительств не помогало.

— Но ведь поначалу Российский национальный оркестр замыслился именно как пример не государственного, а частного коллектива...

— Тем более. Я считаю, что должна быть гордость за собственную культуру. Государство должно быть основным меценатом своего искусства.

— Кстати, каково будущее вашего ежегодного фестиваля в маленьком французском городке Кольмар?

— Год назад фестиваль уже счастливо пережил свое десятилетие. И до тех пор пока люди хотят видеть этот фестиваль и я в состоянии им заниматься, то все будет по-прежнему. В этом году он будет посвящен Леонарду Бернстайну.

— Насколько глубокую коммерциализацию может выдержать классическая музыка?

— Классическая музыка не способна приносить такой же доход, как шоу-бизнес, выплескивающий

ся на огромные стадионы, и соответственно обладает значительно меньшими деньгами. А деньги всегда делают деньги — это непреложный закон жизни. Но все равно в классическую музыку нужно вкладывать, потому что это тот «охран», который является почвой для роста нации.

— А карьера, то есть бизнес на собственном таланте, это хорошо для самого таланта?

— В жизни по-разному происходит. Необходимо чувствовать себя служителем, каждый день имея дело с такими великими творениями, с такими великими людьми, перед которыми можно лишь склонить голову. И не надо задумываться о своей собственной значимости. Если суждено, то все в жизни произойдет само собой. Но, с другой стороны, конечно, во-первых, нужно быть талантливым, во-вторых, иметь перед глазами достойные примеры, а в-третьих, необходимы препятствия повнушительней.

— Сколько времени вы теперь должны будете проводить в Москве в связи со своим новым назначением?

— Работа никак не зависит от прописки. Я буду работать с оркестрами и в Москве, и в Испании, и в Америке — по всему миру. Потом снова в Москве.

— Теперь у Российского национального оркестра так же, как у «Виртуозов» в свое время в Испании, появится своя репетиционная база где-нибудь за границей?

— Нет. У Российского национального оркестра есть база в Москве. У «Виртуозов» пока ее нет, но обязательно будет совсем скоро. И тоже только в Москве.

— Два ваших оркестра поселятся в одном городе. Как вы собираетесь бороться с ревностью среди музыкантов?

— Ну какая может быть ревность... Одни делают одно, другие — другое. И все равны.

— Тогда получается, что вы рас-

считываете на какое-нибудь взаимопроникновение?

— Конечно. Но на абсолютно неформальное, исключительно внутреннее.

— Вы можете представить себе такую ситуацию, когда «Виртуозы» и Российский национальный окажутся на одной сцене в один вечер?

— Пока я еще не думал на эту тему. Но не исключаю подобной возможности.

— А насколько сильно сегодня список первоочередных задач разнится у «Виртуозов» и Российского национального оркестра?

— Конечно, существует разница между коллективами. Прежде всего в человеческом плане. Я еще пока не знаком с Российским оркестром. Хотя, думаю, наверное, всюду проблемы одни и те же. И придется с музыкантами работать индивидуально. Мы все продукты одной и той же системы. Так что недостатки мне знакомы, равно, как и достоинства.

— И все-таки «Виртуозы» для вас — это первая любовь или трамплин к большому дирижированию?

— Думаю, что первая любовь... В жизни надо стремиться не к масштабности, а к совершенству. И я очень многому научился у «Виртуозов». В первую очередь терпению и терпимости.

— Кажется, вы уже опробовали все возможные жанры дирижирования, кроме оперы. Вы не собираетесь обратить внимание на этот жанр?

— Меня не раз приглашали в разные оперные театры, но я не испытываю такой потребности, да и к тому же практически до конца 2001 года у меня уже все расписано и, естественно, нет возможности сидеть на одном месте по несколько месяцев кряду для осуществления оперной постановки. Хотя нельзя не признать, что я люблю работать с вокалистами и хорами.

— Вы никогда не придумывали себе какое-нибудь совсем неожиданное амплуа?

— Мне не однажды уже предлагали сниматься в кино. Но сценарии, как на подбор, были уж очень не впечатляющими, просто слабыми.

— Какая из ипостасей сегодня может удовлетворить ваши амбиции профессиональные и человеческие в наибольшей степени?

— Я не люблю это слово «амбиция». Это что — стремление занять чье-то место под солнцем?... Это не моя цель. Но если у меня будет здоровье, то я смогу удовлетворить свои желания.

— Вы готовы подтвердить легенду, что дирижер — это самая счастливая профессия на свете?

— Ну во всяком случае не самая несчастная — точно. А счастливых профессий, мне кажется, вообще не бывает.